

**МАРИЯ
СЕМЁНОВА**

ВИКИНГИ

аудио-классика

Мария Семёнова
Сольвейг и мы все

«Азбука-Аттикус»

1999

Семёнова М. В.

Сольвейг и мы все / М. В. Семёнова — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Викинги)

ISBN 978-5-457-48684-3

Мужественные, отважные люди становятся героями книг Марии Семёновой, автора культового «Волкодава», основоположницы жанра «русское фэнтези». В том числе – могучие северные воины, приходившие с моря и не знавшие ни жалости, ни страха смерти. Пестрые паруса их драккаров заметны были издалека. И когда такой парус поднимался над горизонтом, жители прибрежных селений в страхе бежали, спасая свою жизнь. Об их отваге, мужестве, жестокости и ярости ходили легенды. Они жили войной и ради войны. Их хранили суровые асы. Им помогали светлые альвы и темные йотуны. Их души уносили с поля боя златокосые валькирии. Их называли героями и варварами, пиратами и волками Севера. Но сами они звали себя – Викинги.

ISBN 978-5-457-48684-3

© Семёнова М. В., 1999

© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Семенова

Сольвейг и мы все

Теперь я спрашиваю себя: уж не Всеотец ли послал мне Торгрима, испытывая, хорошим ли станет вождём Эйрик сын Эгиля сына Хаки из Хьялтланда... Могучий Один, Отец Богов и людей, вечно стар. У него длинная борода и всего один глаз. Людям кажется, будто второй глаз он отдал вещим норнам, с тем чтобы они позволили ему напиться из источника мудрости, клокочущего под корнями Мирового Древа.

Был ли то просто залог, как думают люди? Или столь горек на вкус оказался дарующий мудрость напиток, что даже славнейший из Асов не смог его вынести и сам в муке вырвал собственный глаз?

1

В тот год мы зимовали в Раумсдале, у одного крепкого бонда по имени Гуннар. Мы – это Хёгни ярл и все викинги, ходившие на трёх его кораблях. И я, его воспитанник.

Много славных обычаев завещали нам предки. Но самый славный – тот, что велит родовитым людям отдавать детей на воспитание менее знатным. Всё в нем: и великая честь, и доверие младшему товарищу по прежним походам. И добрая наука для мальчишки, которого называют сыном вождя.

Вот и я рос не дома – в Хьялтланде, на Островах, – а у старого Хёгни. А Хёгни ярл часто бросал якоря во владениях Гуннара бонда, когда приближалась зима и с нею пора вытаскивать корабли. Гуннар был всегда рад нас принять. Мы ведь приходили к нему не с пустыми руками. Хёгни каждое лето водил нас в походы и когда торговал, когда грабил. У него нигде не было земли и своего дома. Но зато на Гуннаровом дворе его слушались как самого хозяина. Мудрено ли – морской ярл! Хёгни даже поселил у него единственного человека, который звал его родичем и которого старый ярл берёг ещё больше, чем свои боевые корабли. У Гуннара жила его внучка, юная Асгерд. Мы с ней выросли вместе. Мы очень дружили, и называли нас женихом и невестой. Я с детства знал, что попрошу её у старого Хёгни себе в жены, когда подрасту.

И вот теперь я был взрослым, я видел уже шестнадцать зим, и, наверное, всё случилось бы так, как мы тогда оба хотели.

Если бы не пришёл Торгрим...

День, когда всё началось, выдался непогожим. Морской великан Эгир, повелитель подводной страны, с самого утра заварил в своём котле неистовый ветер. Тяжёлые зимние волны, как водится, пробудились не сразу. Но к вечеру даже во дворе сделалось слышно, как за сторожевыми скалами фиорда ревел и бесновался прибой. Морской великан пробовал раскатать гранитные берега, но нет, этот корабль был слишком устойчив. Тогда Эгир нагромоздил в небесах чёрные тучи, и снежная буря обрушилась на фиорд.

Мокрые хлопья летели сплошной пеленой. Они слепили сощуренные глаза, липли к одежде и впивались в лицо, точно железные иглы. В такую погоду разумные люди предпочитают сидеть дома. За толстыми земляными стенами, у светло горящего очага. И рассказывать о чём-нибудь, заняв руки работой. И радоваться, что не пришлось угодить в эту бурю за три дня пути от ближайшего жилого двора...

Другое дело, никто из нас, молодых, нипочём не захотел бы в этом сознаться.

Когда стало темнеть, всех принял новый длинный дом, где Гуннар хозяин устраивал домашний тинг и пиры. Стены дома изнутри были бревенчатыми, а снаружи – из земли и камней. Крышу, подпёртую прочными столбами, выстилал дёрн. Оттого летом длинный дом походил на громадный валун, скатившийся с ближних гор и обросший зелёным мхом и травой. А зимой, замётённый по крышу и окружённый сугробами, – на сугроб. И во всякое время года он походил на корабль.

Просторный дом гостеприимно вместил всех, даже рабов. Рабы устроились по углам, возле входной двери. Разложили для починки старую сеть и тихо разговаривали между собой, стараясь не мешать.

Я хорошо помню, что Хёгни ярл сидел на почётном сиденье, между резными родовыми столбами. На это место в любом доме сажают самого знатного, будь то хозяин или его гость. А я принёс с собой медвежьих сухожилий и плёл для лука новую тетиву, забравшись с ногами на широкую лавку. Скоро уже рабыни приготовят вечернюю еду и внесут в дом столы.

Вот так мы сидели все вместе по праву свободных людей, и Кари сын Лёта рассказывал о своей молодости и о разных приключениях, которые с ним бывали. Обо всём этом

мы слышали прежде не один раз и не два. Но Кари умел говорить занятно, и его рассказы не надоедали.

Кари недавно встретил свою сороковую зиму. Но женщины по-прежнему считали его красивее иных молодых. Кари был вправду хорош собой и любил дорогие одежды. Но не за красоту выделял его Хёгни ярл, а за бесстрашие и умение сражаться. Он ходил кормщиком на его корабле и, как говорили, знал толк в кораблях. А мы называли его – Хольмганг-Кари, то есть Поединщик. Это за то, что он в молодости нередко пугал людей, притворяясь бёрсерком.

Берсерк!.. Слово, как хриплый боевой клич... Одетый в медвежью шкуру – вот что оно означает. Берсерк, это неистовый воин, в котором скрытно живёт дух предкамедведя. В сражении или просто в мгновение гнева этот дух может проснуться. Тогда берсерк теряет речь и только страшно рычит. Он истекает пеной и кусает свой щит. Он не чувствует боли от ран. И когда доходит до схватки, такой воин стоит сотни обычных, потому что по сути он уже не человек, а волшебный медведь. Бывает, такими рождаются, бывает, становятся, и не всегда по собственной воле. Всякий вождь, за которым следуют один-два берсерка, считает, что удача его велика. Однако берсерки неуживчивы и часто скитаются сами по себе, вызывая людей на поединки и отнимая жён и добро. За это их многие боятся и мало кто любит.

Наш Кари в своё время путешествовал таким образом по всему Вику, от Хисинга до Скирингссаля, и никто не смел поспорить с ним лицом к лицу, хотя он лишь притворялся.

Вот каков был наш Поединщик, и вот о каком былом он весело рассказывал, когда со двора вдруг послышался остервенелый лай собак. В подобную ночь собаки не станут выскакивать по пустякам. Помнится, Кари замолк на полуслове. А я сразу подумал о медведе, которого чья-то неосторожность подняла из берлоги и погнала, тощего, страшного, в свалывшихся космах, к человеческому жилью на разбой. А может, сам белый Хозяин Льдов приплыл к берегу на подхваченном ветром обломке? Такое бывало.

Псы, казалось, хотели и не отваживались напасть. И что-то чужое упрямо шло к нашему порогу сквозь это рычащее, задыхающееся от ненависти и страха кольцо...

Наверное, не я один подумал тогда о медведе. Все повернулись к двери, и многие потянулись к оружию, висевшему на стенах. А рабы положили сеть и подняли засов.

Сырой вихрь ворвался в дом. Пламя очага взвилось и яростно зашипело. Во дворе было темно. Несколько человек подхватили копья и вышли наружу с горящими головнями в руках. Было слышно, как они закричали на собак. А потом вернулись в дом, ведя с собой человека.

Он был высокого роста, худой и широкоплечий. Он держал в руках свои лыжи. Громадный пёс прижимался к его коленям, показывая клыки не намного короче боевых ножей. От этих-то клыков с воем отскакивали наши сторожа. Однако хозяин пса вовсе не походил на охотника, заплутавшего в погоне за зверем. Нет. Он хорошо знал, куда шёл и зачем. И он добрался, куда ему хотелось. А на боку у него в чехле висела секира.

Такие странники появляются из темноты и вновь исчезают куда-то, но память о них всегда задерживается надолго...

Он стоял возле двери и молча смотрел на нас, сидевших по лавкам. А мы смотрели на него. И тут оказалось, что мою Асгерд его приход околдовал меньше всех. Я и не заметил, когда это она сорвалась со своего места рядом со мной. Живо сбегала на другой конец дома, где готовилось угощение. И вернулась с большой чашкой горячего отвара.

Незнакомец был мокрый, хоть выжми, и одежда на нём вся заледенела. Он рукой ободрал лёд с бороды, стащил меховую шапку. Он был темноволосый, с неровными седыми прядями на макушке. Словно кто взял белой краски и мазнул его по голове. Впрочем, он был моложе, чем выглядел. Я это понял по глазам.

Он взял у Асгерд горячую чашку и долго держал её в руках, отогревая ладони. Руки были большие и красные. Он плеснул в огонь, жертвуя духу приютившего его очага. И тихо сказал:

– Покорми и Серого, красавица, если ты так добра.

Я был среди тех, кто сразу подошёл рассмотреть незнакомца поближе. Я сделал это ещё и потому, что боялся, как бы улёгшийся волкодав не набросился на мою бесстрашную Астерд. Но, видно, пёс был измучен не меньше хозяина. Она поманила его, и Серый покорно поплёлся, оставляя на полу цепочку мокрых следов. Я взял у пришельца меховую куртку и повесил на деревянный гвоздь в стене. Потом я повёл его к хозяйскому месту. Пусть Гуннар бонд и старый ярл примут его как надлежит.

– Будь гостем, – сказал ему мой воспитатель. – Это дом Гуннара бонда сына Сиггейра, а я зовусь Хёгни сыном Хедина, морским ярлом. А ты кто?

Человек посмотрел ему в глаза и ответил:

– Люди зовут меня Торгримом.

Я ждал – и все ждали, – чтобы он назвал имя своего отца. И землю, где был рождён. Тогда мы знали бы, кто это такой пожаловал и чего от него ждать. Но Торгрим молчал. И я уже видел, что его молчание пришлось не по нраву старому ярлу. Я хорошо знал своего воспитателя. Торгриму не видать от него ни доверия, ни любви.

Но мне, привыкшему к мудрости старого Хёгни, впервые не захотелось с ним соглашаться... Торгрим чем-то понравился мне. Быть может, тем, что назвал красавицей мою Астерд. Я любил её. Но другие люди смотрели на неё обычными глазами. И видели просто круглолицую девочку со смешными конопушками на носу...

Я повёл Торгрима с собой, чтобы дать ему сухую одежду. Я был вдвое моложе него, но тоже не из маленьких. И пока мы шли, он вдруг сказал мне:

– Так, значит, вот каков сын Эгиля конунга сына Хаки, которого, как я слышал, недавно внесли в могильный курган.

Я удивился таким словам и ответил:

– Ты не ошибся, пришелец, не пойму только, откуда тебе меня знать. Ты же меня ни разу не видел.

У Торгрима глаза сидели глубоко под бровями, и оттого казалось, будто он всё время угрюмо смотрел исподлобья.

– Я видел твоего отца, и этого достаточно. Ты похож на конунга. У тебя то же лицо.

И эти речи озадачили меня ещё больше, потому что до тех пор меня чаще называли похожим на мать. Я любил свою мать. Я всегда привозил ей подарки, когда мы заходили на Острова. Однако для воина больше чести продолжить собою отца. И я был благодарен Торгриму за то, что он первым подметил моё сходство с отцом и сказал о нём вслух.

А когда он примерял мою рубашку, ему случилось оступиться впотьмах, и я увидел шрамы у него на спине.

Очень давнишние, они тянулись вдоль хребта, как две толстые белые змеи... И, как две змеи, шевелились при каждом движении. Я поднял было руку... и не посмел притронуться к ним. Что могло оставить такие следы? У меня мелькнула было догадка, но я её сразу отбросил. Нет. Не уходит живым тот, кому запустил когти в спину «кровавый орёл»...

Я спросил его:

– Что это такое у тебя на спине?

Он замер с моей рубашкой в руках. Словно почувствовал внезапный удар и пытался понять, не смертельную ли рану ему нанесли. Потом медленно повернулся. И проговорил неожиданно спокойно:

– Вот теперь я узнаю, умеет ли молчать сын конунга Островов.

Тут я подумал, что за всем этим, быть может, стояло какое-то бесчестье. Ведь рубцы на спине – совсем не то, чем хвастается воин. Но я ничего не сказал. И не то чтобы я побоялся сцепиться с ним в тесной каморке, куда мы забрались. Просто мне не хотелось зря его обижать.

За едой Торгрим коснулся моего локтя своим. И спросил:

– Кто это там сидит, такой рослый, с крашеными ресницами?

– Это Хольмганг-Кари сын Лёта из Вестфольда, – сказал я ему. – И людям кажется, что мало проку ссориться с ним, потому что он почти что берсерк и умеет за себя постоять.

– Вот как?... – усмехнулся Торгрим. И я было встревожился, ожидая каких-то язвительных слов, назначенных рассердить нашего Кари. Так иной раз поступали пришлые задиры, которым вечно не терпится испытывать себя и других. Но Торгрим ничего не добавил, и тогда я сказал:

– А та, что покормила твоего Серого, это Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни, нашего ярла. И я посватаюсь к ней, когда займу место отца.

Немало мужества надо для спора с бурями вроде той, что заметала снегом наш фиорд. И чем бы ни кончился такой спор, редко он проходит для спорившего бесследно.

Торгрим не показывал вида, но я-то подметил, как он замёрз. Он пил пиво и ел горячую рыбу, но согреться так и не смог. Ночью я слышал, как он ворочался, а потом начал кашлять. Он уснул только под утро, когда пришёл Серый и свернулся у него в ногах.

Я слышал всё это, потому что он лежал на лавке рядом со мной, под одеялом, которое я ему подарил. Если бы не нашлось лишнего, я отдал бы ему своё. Гость ни в чём не должен узнать недостатка. Гость живёт в доме, сколько пожелает, и уходит, когда ему захочется. И даже если этот гость – твой кровный враг и ты это знаешь. Торгрим мог не пригласиться старому Хёгни, но даже и он, мой приёмный отец, никогда не отважился бы прогнать его за порог!

Утром Торгрим поднялся с трудом... Он очень не хотел признаваться, что заболел, но, когда он выбрался из-под одеяла, его затрясло. Я сказал ему:

– Ты простудился.

Он посмотрел на меня и неохотно кивнул. Начинавшийся жар заставлял его судорожно, толчками вбирать в себя воздух. Я хотел принести мёда или сушёной малины, но он вдруг спросил:

– Куда ты положил мои лыжи?

Вот, значит, как он решил избавляться от хвори. Встать на лыжи и гнать себя безо всякой пощады, пока не прохватит обильный исцеляющий пот... Не каждому это под силу, тут нужен крепкий дух и закалённое тело. Я подумал, что Торгрим был уже слишком болен для лыжного бега. Но я промолчал, он ведь вовсе не походил на человека, который нуждается в советах юнца. Я принёс ему лыжи и сказал:

– Я пошёл бы с тобой.

Старый Хёгни навряд ли похвалит меня, отпусти я его одного.

Снаружи было тихо... Над горами и морем неподвижно стояло серое небо. Лишь в одном месте в облаках желтела промоина, и оттуда тускло светило солнце, негреющее, медного цвета. Оно даже не отбрасывало теней.

За ночь похолодало, и мокрый снег превратился в наст, твёрдый, прочный, как боевой щит... Наст легко выдерживал человека, но кабанов и лосей ждали тяжкие времена. Обутое копытами ноги станут проламывать ледяную кору, и кровь окрасит следы, привлекая хищного зверя. И будут задыхаться и биться подо льдом глухари, закопавшиеся в снег накануне. И только волки, переключаясь, погонят охваченную ужасом добычу...

Мы привязали лыжи к ногам и двинулись со двора. Я видел, каким усилием дались Торгриму первые сотни шагов. Болезнь ломала его, он то и дело вытирал слезившиеся глаза. По-моему, раз или два он даже приостанавливался в раздумье: а не повернуть ли назад, в приветливый дом, к пылающему очагу и пушистому одеялу... Но нет. Он только заставлял себя идти всё быстрее. Он был очень горд и упрям, я уже успел это понять. Я держался у

него за плечом. Пусть ему кажется, что я вот-вот его обгоню. Некоторое время спустя мы неслись уже во весь дух, и Серый поспевал за нами, вывалив из пасти язык.

Наверное, Торгрим всё же хорошо знал, что делал. Его движения постепенно делались легче и слаженней, только лыжи со свистом неслись по гладкому насту. Поймать его здорового наверняка было непросто, даже теперь я не без труда шёл с ним наравне. Я смотрел ему в спину и думал о том, как извивались на этой спине белые змеи. Мне было жалко, что он не захотел рассказать.

Потом мы прошли лес и выбрались к морю.

Оно было пустынным до самого горизонта и чёрным, как воронёный металл. Только там и сям виднелись не то белые гребни, не то обломки льдин. Прибой всё ещё грохотал далеко внизу, у подножия береговых скал. Тяжёлые волны медленно рушились на камни, намораживая белые бороды на гранитные подбородки утёсов... Здесь Торгрим остановился и вытер лицо снегом.

– А ты совсем неплохо бегаешь, конунгов сын, – сказал он мне. – Теперь домой!

Почему-то он большей частью называл меня не по имени, а вот так – конунгов сын. Или как тогда в камерке: сын Эгиля. И мне это нравилось. Старый Хёгни предпочитал называть меня мальчишкой. А иногда ещё сопливым. И хотя всё это было одинаково справедливо, именоваться сыном конунга было приятней...

Дома я увидел, что Асгерд всё-таки заварила малину. И заботливо держала питье на углях, чтобы не остыло. Я с досадой подумал, что Торгрим, пожалуй, откажется. Ладно, впредь наука, не лезь к старшему со своими хлопотами, куда не просят. Но вышло иначе. Торгрим с удовольствием выпил, и я впервые увидел на его лице нечто вроде улыбки:

– Спасибо, красавица.

И она покраснела, моя Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни. А Торгрим сразу пошёл на своё спальное место. И прежде чем снять с себя рубашку, уселся лопатками к стене. Глаза наши встретились, и Торгрим кивнул. Он мне доверял и говорил об этом глазами, и я был горд, что он мне доверял.

Он закутался в одеяло и немедленно заснул, и тогда-то мы с Асгерд подобрались к нему поближе. Когда ещё рассмотришь человека так пристально и без помехи. Мы сидели тихо, чтобы не побеспокоить его. Наконец Асгерд шепнула:

– А он красивый, правда ведь?

Я удивился. Я назвал бы Торгрима мужественным. Пожалуй. И сильным. Но красивым? Темноволосого, с тёмными глазами?.. Однако потом, когда я поразмыслил, мне показалось, будто моя Асгерд не так уж сильно ошиблась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.